

Акция
национального
покаяния

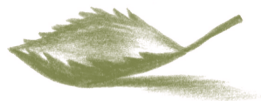


Медиапроект «Стол»

1917: моя жизнь после

Семейные истории
к 100-летию революции

Книга I



КПФ «Преображение»
Москва, 2017

УДК 929.52+94(47).084.2

ББК 63.3 (2)6-7

Т 93

Художник Мария Титова

Т 93 1917: МОЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ :
Сборник воспоминаний : В 5 кн. / Под ред. А. А. Васенёва, В. Н. Тихомирова. —
М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2017.
ISBN 978-5-905615-44-3

Книга I. 2017 — 76 с. : ил.

ISBN 978-5-905615-45-0

В год 100-летия революции редакция медиапроекта «Стол» публикует подборку семейных историй от самых обычных людей, которые помогли нам по-новому посмотреть на события 1917 года и осмыслить произошедшее с нашими предками на переломе эпох.

Дневники, старые письма, рассказы бабушек и дедушек — всё это лежит в основе живой истории нашей страны, той истории, о которой не пишут в учебниках и не говорят по телевизору. Наши книги стали ещё и своеобразным мостом из настоящего в прошлое, ведь наши авторы порой говорят о том, о чём в их семьях молчали десятилетиями.

Именно поэтому участие в создании этой книги для многих стало шагом присоединения к Акции национального покаяния «Имеющие надежду», которая проходит в России в год 100-летия революции.

ISBN 978-5-905615-45-0 (Книга I)

ISBN 978-5-905615-44-3

© Медиапроект «Стол», 2017

© Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2017

Содержание

Владимир Тихомиров	
Предисловие	7
Татьяна Авилова	
Наступало время, в котором всё благородное, талантливое было обречено на уничтожение	13
Елена Рыдалевская	
Важно, чтобы добро и зло были названы своими именами	27
Елена-Алина Патракова	
Господь победил этот зов пустоты в моём сердце	33
Светлана Андросенко	
Для бабушки голод остался самым страшным, с чем может столкнуться человек	47
Ольга Лодыженская	
Так расправились крестьяне со своей тиранкой-помещицей!	51

Владимир Тихомиров

редактор-составитель

Предисловие

Каждое своё письмо с фронта мой дед начинал с одинакового приветствия: «Здравствуй, дорогая моя супруга Анна Мефодиевна, кланяюсь я вам, ваш супруг Петр Моисеевич. Ещё кланяюсь я дорогим моим деткам — дочкам Лиде и Мане, сыночку Васе, и дочкам Нюре и Шуре, и сыночку Коленьке, и ещё я кланяюсь дедушке Мефодию Михайловичу. И ещё шлю всем родным низкий поклон...»

Для деда это было очень важно: показать, что он помнит всех поимённо, что каждому он адресует свой поклон, никого не обделяя вниманием.

Порой это приветствие занимало половину солдатского письма — тогда в армии было плохо с бумагой, и бойцы писали кто на чём горазд: на обрывках газет и листовок, на четвертушках тетрадных листков.

Писал же дед при каждой удобной возможности, ведь пехотные части, а мой дед прошел три военных года простым пехотинцем, постоянно перебрасывали с места на место, и почта часто терялась. Поэтому чем чаще пишешь, рассуждал он, тем выше вероятность того, что хоть какое-то письмо дойдёт до дома. Наверное, этим и объясняется скудность деда на описание своего военного быта — да и чего там было описывать-то? Бесконечные дороги, обстрелы, привалы?.. Но зато в каждом письме он интересовался, что происходило дома: как доится корова Пеструшка, сколько выдают хлеба в колхозе, послушны ли дети, сыты ли, здоровы? Лишь однажды, ещё в самом начале 1942 года, оказавшись первый раз в госпитале, он попросил старшую дочь Лиду приехать и привезти ему новый кисет с табачком — старый кисет пропал вместе с пропитанной кровью гимнастёркой. Просил ещё найти ему какой-нибудь котелок: в госпитале не было посуды, даже банок, и солдаты питались по очереди из нескольких котелков. О войне же он писать не любил, да и военная цензура строго следила, чтобы солдаты не писали ничего лишнего.

Последнее письмо от дедушки Петра было написано 3 февраля 1944 года. Он всё ещё лежал в госпитале в городе

Иваново, где отходил от тяжёлого ранения. И очень ждал комиссию, которая бы признала его негодным к строевой службе: все-таки это было уже второе его ранение за войну. И он очень надеялся вырваться из этого кошмара к семье. «Скоро, Нюша, буду уже дома, — писал он моей бабушке. — Здоровье мое помаленьку, свист в ушах всё не проходит. Очень соскучился по тебе и по деткам. Пишу дочке Лиде: спасибо, что не забывает папу, и спасибо за кисет с табачком. И ещё пишу сынку Васе: почему он не слушается мамы? Вот, я пишу и наказываю, что надо мамы слушаться. Если не будете слушаться, то и порядку дома не будет». Больше от деда писем не было, а через три месяца почтальён принес маленький клочок бумаги без подписи и печати: «Ваш муж Тихомиров Петр Моисеевич, уроженец Яросл. обл. Брейтовского района, в бою за Социалистическую родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был убит. Погиб 10 марта 1944 года».

И всё. Никто не написал, где и когда это произошло, просто сгинул человек — и все, будто бы провалился в какую-то чёрную дыру, которая вместе с дедом поглотила и память обо всех предшествующих поколениях нашей семьи. Ещё от деда осталась единственная фотография, сделанная, кажется, накануне его свадьбы: стоит строгий юноша 16 лет — в пиджаке и косоворотке. Взгляд исподлобья, упрямый и сосредоточенный.

Больше от моего деда не осталось ничего, ни единого документа. Только рассказы бабушки о том, как в русских деревнях разгоралась Гражданская война — и не «белых» против «красных», нет, всё было гораздо страшнее. Мужики делили бывшие помещичьи и казённые земли, и за каждую сажень вспыхивали ожесточённые споры. В мгновение ока распадались прежде крепкие крестьянские общины и семьи, и ослеплённый алчностью брат с топором в руках шёл на брата: моя земля!

Затем было потопленное в крови Сицкое восстание крестьян, протестовавших против продразверстки и военного коммунизма. Сельский сход мужиков, только что вернув-

шихся с фронта, был расстрелян из пулемётов, а потом комиссары штыками доби́ли раненых. Дед в той мясорубке выжил лишь чудом, а вот его отца, то есть моего прадеда, едва не забили насмерть прикладами, а потом отправили в лагерь для заложников. Потом, слава Богу, комиссары сменили гнев на милость, и прадеда выпустили.

Именно в тот момент дед и встретил мою бабушку — тогда ещё перепуганную девчонку, бывшую гимназистку, бежавшую вместе с отцом в деревню из голодающего и агонизирующего Петрограда. Тут же он и решил жениться наперекор всей революционной стихии, надеясь, что Господь не оставит чад своих.

Больше я о своих предках практически ничего не знаю. От бабушкиной деревни не осталось и следа — заросли даже пепелища домов, сгорели и районные архивы. Поэтому я так по-хорошему завидую тем, кому удастся преодолеть эту преграду забвения и вытащить из небытия имена дедов и прадедов.

Именно в этом, как мне кажется, и состоит весь смысл Акции национального покаяния — вовсе не в том, чтобы заставить современного человека испытывать какой-то комплекс вины за преступления, совершённые другими людьми в начале прошлого века. Да и какая вообще может быть «историческая вина» у потомков людей, чудом выживших в страшной мясорубке?!..

Нет, речь идёт только о нашей ответственности за память обо всех погибших в жерновах революционного террора. И ответственность эта простая: мы должны передать память об этих событиях нашим потомкам. Для меня это чувство ответственности во многом напоминает ответственность моего деда, который не упускал ни единой возможности показать своим детям и близким, что он помнит всех и каждого, и это то единственное, что он мог тогда им дать, оказалось для многих из них спасительным словом в последующей жизни. Казалось бы, что такое — слово любви из фронтового письма-треугольничка?! Но для моего отца, никогда так и не увидевшего дедушку Петра, это слово значило всё.

Сегодня власти России накануне 100-летия русской революции выдвинули концепцию «примирения». Дескать, все должны примириться с нашим общим прошлым и жить современностью.

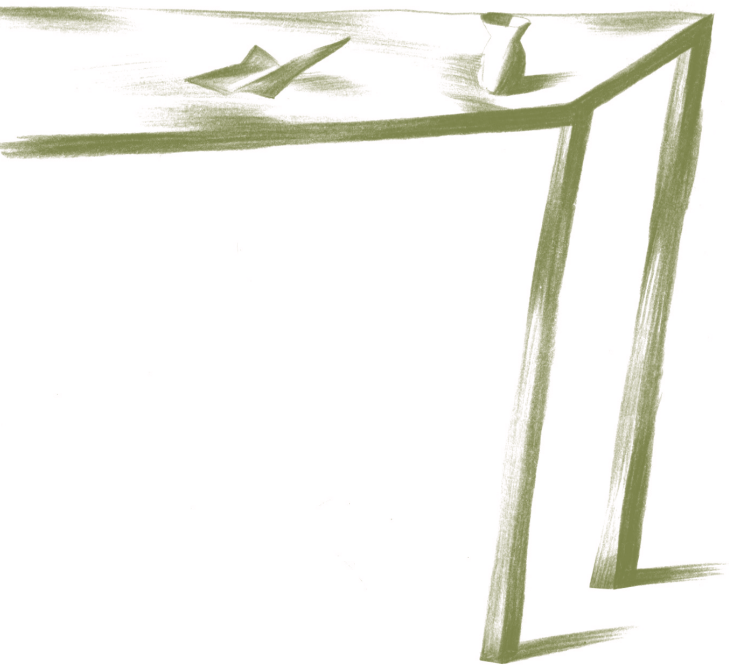
Красивые слова, только вот «примириться» можно и со своими врагами — как с некой исторической данностью, которую человек не в силах изменить. Примириться — значит ничего не пытаться изменить или исправить. Взять же на себя ответственность за память предшествующих поколений — это несоизмеримо больше.

А вот каяться и просить прощения должны прежде всего власти — у своих же сограждан.

Татяна Авилова

Москва, 1948

геофизик



Наступало время, в котором все благородное, талантливое было обречено на уничтожение

Уже несколько лет подряд 30 октября я прихожу на акцию «Молитва памяти», чтобы прочитать несколько имён, мне не знакомых, несколько слов о каждом, — кем они были при жизни и дату бессмысленного и страшного её конца. И каждый раз приношу с собой лист с фотографиями и с такими же краткими сведениями о своих родных, про смерть некоторых я знаю иногда даже меньше, чем указано в скупых «мемориальных» списках жертв Большого террора. Кто-то из них расстрелян, кто-то покончил со своей жизнью сам, не выдержав давления страха и насилия, хотя и вышел живым из застенков. Шесть человек с непохожими судьбами и общим концом. И если бы я не была христианкой, знающей, что человек создан для вечности, то горечь от этих загубленных судеб была бы просто невыносимой.

* * *

Семья

Я хочу рассказать о своей родной бабушке по материнской линии Марии, с которой прошло всё моё детство. Она умерла в 1965 году, когда я была в 10 классе.

Итак, Мария, в девичестве Манаева, 1883 года рождения, дочь первых поселенцев, основателей города Владивостока, по сословию из мещан, людей, судя по всему, зажиточных, пришедших на Дальний Восток из Сибири, из-под Томска. Мать — добрая, строгая, верующая, отец — с крутым характером, веры, думаю, номинальной, хотя был одно время старостой городского кафедрального собора. Вырастили семерых детей: пятерых дочерей и двоих сыновей. Только самая старшая и самая младшая не покидали родительского дома, остальным же детям отец дал возможность учиться в столице: сыновьям в университете Санкт-Петербурга, дочерям — на Высших бестужевских курсах.

Интересный факт: в то время ещё не было Транссибирской магистрали, и добираться до Санкт-Петербурга приходилось морским путём через два океана — Тихий и Атлантический.

Тем не менее студенты на каникулы всегда возвращались домой и привозили с собой революционный студенческий дух. Вера в Бога отрицалась как тёмная и реакционная, главными были идеи социальной справедливости, служения народу.

* * *

Потеря веры

Мария в своих мемуарах, из которых напечатана была лишь малая часть, вспоминает, что она потеряла веру в Бога из-за старшего брата Фёдора. Это был непростой и болезненный процесс, вместе с верой терялся поначалу и смысл жизни, и её гимназический друг Николай в этот период повесился от отчаяния. Способствовал этому и священник, окормлявший гимназию, человек столь недостойного поведения, что и писать об этом невозможно. Того, кто встал на путь сомнения в вере, многое в жизни побуждает к отпадению от неё.

Один только пример: на Страстной неделе Мария с братом едут в поезде в одном купе со священником. «Батюшка весел, гогочет по любому поводу на всё купе. Я набралась смелости и спросила его: почему все священники в эти дни служат в храмах, а Вы едете куда-то, в какую-то деревню? Он ответил:

— У меня есть хороший товарищ — священник, и мы с ним уже вторую Пасху договариваемся: он будет служить в церкви за меня, а я поеду на Пасху в деревню и буду там с деревенскими играть на деньги в орёл и решку.

Подмигнув, вытащил из кармана рясы медный пятак и показал, что пятак тот особый: на решке наплавлен свинец, чтобы пятак всегда падал к выигрышу, и без всякого стыда сказал:

— Товарищ будет молиться, а я ему заработаю деньги.